

СУДЬБЫ ЗАБАВЫ

Судьба это непостижимая предопределённость событий и поступков человека, которая мыслится им в виде некого божества. Как известно, Судьба играет человеком, независимо от того, умеет человек играть на трубе, или нет.

О реальности существования Судьбы говорит известный мне факт: у нашей соседки по коммунальной квартире муж попал под поезд, сын попал под поезд, и сама она в девяносто лет умудрилась попасть под поезд. Вот она – непостижимая предопределённость событий. Кто скажет, что это случайность. В мире правят неумолимые железные законы, а случайность лишь форма их проявления.

И еще говорят: «если кирпич на голову, то это Судьба». Но когда Судьбе наскучивало бросать кирпичи на головы людей, она отдыхала от трудов и забавлялась, как могла. И для своих забав она нередко выбирала мою скромную персону. При этом ей очень нравилось вытолкнуть меня обнаженного на всеобщее обозрение, и наблюдать, как я буду выворачиваться. А особенность русского характера состоит не только в умении находить вход в самые трудные жизненные ситуации, но и блестяще находить из них выход.

Подобным образом Судьба развлекалась со мной три раза, и два из них в Китае. Но в первый раз это произошло в нашем университетском бассейне, который сотрудники геологического факультета посещали раз в неделю по профсоюзному абонементу. В тот день утром я получил из редакции Вестника ленинградского университета свою статью с многочисленными правками. После разминки в спортзале я стоял под горячим душем и обдумывал, как исправить замечания редактора. Конечно, задумался, и когда мои коллеги стали подниматься в чашу бассейна, остался в душевой последним. Не спеша надел на голову ре-

зиновую шапочку, а поверх нее водрузил на лоб очки для плавания в бассейне, и... забыл надеть плавки, которые так и остались лежать на перегородке между душевыми кабинками. Все еще размышляя над замечаниями редактора, я поспешил за коллегами в чашу бассейна. Мне навстречу по узкой лестнице спускалась предыдущая группа универсантов филологов. И ни одна зараза не подсказала мне, что я иду в бассейн голым. Только потом я вспомнил их идиотское хихиканье, которому тогда не придал значения.

Перед входом в бассейн следовало обмыть ноги в специальной квадратной ванне, облицованной кафелем. Я вышел в чашу. Под сводами бассейна гулко отдавались всплески и голоса купающихся. Остро пахло хлоркой. На краю чаши спиной ко мне стоял тренер предыдущей группы – меланхоличного вида мужчина с висячими как у моржа усами. Он разговаривал с парнем из своей группы, который стоял лицом ко мне. Немного в стороне у тумбы для ныряния тренер нашей группы молодая спортивная женщина что-то объясняла девице. Я обошел слева тренера и парня и осмотрел бассейн с целью определить, на какой из дорожек меньше всего народу. На второй дорожке кто-то поднял вверх руку, и я узнал Андрея Семеновича Ефрона, с которым мы работали на одной кафедре. Обычно Ефрон все отведенное нам время безостановочно работал кролем, чтобы успеть проплыть километр. Но в тот раз он, видимо, решил просто отдохнуть, и, помахав мне рукой, зачем-то погрузился в воду с головой, потом опять вынырнул, помахал мне рукой и снова скрылся под водой. Не успел я осмыслить странное поведение Ефрона, как вдруг парень из предыдущей группы обратил на меня внимание, зачем-то вытаращил глаза и стал ладонью показывать, чтобы я ушел.

– Ну, что ты рукой машешь? – возмутился я наглости парня. – Видишь наше время уже пошло, – и показал на часы над входом.

Тут на меня посмотрел тренер предыдущей группы. Лицо его вытянулось от удивления, а висячие усы чуть не приняли горизонтальное положение. Он тоже стал делать мне рукой знак уйти из чаши.

– А Вы что машете? – вскипел я. – Ваша группа уже который раз задерживает нам воду на пять минут. – И, потом наши уже плавают, – я кивнул головой в сторону чаши.

– Дурак, ты же голый, – прошипел тренер, чтобы не услышали женщины, – быстро в раздевалку.

Я мгновенно все понял, развернулся и кинулся в раздевалку. Все душевые кабины были уже заняты ребятами из предыдущей группы, которые мылись после бассейна. Я отыскал свои плавки, надел их и направился вверх в чашу.

«И чего ты дурачок испугался и побежал? – упрекнул меня внутренний голос. – Все равно коллеги тебя уже заметили. Надо было встать на тумбочку для ныряния и произвести короткий спич: «Друзья, не надо бояться обнаженного мужского тела, ибо оно прекрасно! Надо бояться дурных поступков!»»

Я поднялся в чашу и, проскочив мимо усатого тренера, нырнул в воду на ближайшую дорожку.

Ко мне подплыл Ефрон.

– Я только начал заплыв, – рассказал он, – и вдруг краем глаза увидел, как ты голый стоишь у входа. Сразу понял, что ты забыл одеть плавки. И тут от смеха у меня так ослабли руки, что я стал тонуть. Пытаюсь схватиться за ограждение дорожки, а руки не держат. Тогда я опущусь на дно, оттолкнусь ногами, вверх выплыву, глотну воздух, но как тебя снова увижу, просто умираю от смеха. Никогда в жизни я так не смеялся, – признался Ефрон.

Ко мне подплывали коллеги и рассказывали, как им было смешно на меня смотреть.

«Ничего в жизни не проходит напрасно, хоть кого-то повеселил», – подумалось мне.

Второй раз Судьба устроила себе потеху уже в Китае. Горячую воду в нашем гестхаусе отпускали два раза в день – утром и вечером. Китайцы объясняли это недостатком электроэнергии в зимний период. Но все специалисты, проживающие в гостинице не роптали, и с пониманием относились к проблемам китайского народа.

В шесть вечера, после ужина я решил принять ванну. В моем номере обе комнаты имели отдельные входы из коридора и французские замки в дверях. Вход в ванную был также из коридора.

В комнате я полностью разделся, и пошел мыться, оставив дверь открытой. Но в ванной не оказалось большого полотенца, а висело только маленькое, которым я вытирал руки. И тут я услышал хлопок и понял, что дверь в мою комнату захлопнулась. Естественно, что прекрасно сработал французский замок. Попытки открыть его с помощью скрепки не увенчались успехом, хотя один раз месяц назад мне удалось это сделать. Но, видно Судьба решила испытать меня по высшему разряду.

На первый взгляд, по сравнению с инженером Эрнестом Павловичем Щукиным из «Двенадцати стульев», который оказался голый и мокрый на лестничной площадке, положение мое представлялось более выгодным. Во-первых, я был не мокрый, как бедный инженер, и находился не на лестничной площадке, а в коридорчике собственного номера. Во-вторых, у меня имелось небольшое полотенце, концы которого не сходились сантиметров на двадцать, если обернуть его вокруг бедер и держать двумя руками.

Второй ключ от моей комнаты всегда находился на вахте в холле первого этажа. Там за стеклянной перегородкой днем сидели молодые китаянки, а вечером на дежурство заступал пожилой доброжелательно настроенный ко мне китаец. Сегодня, возвращаясь с прогулки, я заметил его на вахте и с ним поздоровался.

В просторном холле первого этажа стояли мягкие кожаные диваны и кресла. Одна стена со стороны входа была целиком стеклянная. Вдоль нее выстроились большие финиковые пальмы в кадках. Обычно они стояли на улице на просторном крыльце, но в наступившие холода их занесли в холл.

В принципе задача достать ключ не казалась мне особенно сложной. Надо выйти в коридор, на всякий случай, заклинив входную дверь мыльницей, и осторожно, чтобы не нарваться на американцев стремительно сбежать вниз.

Из-за отсутствия центрального отопления в гостинице температура в коридорах стояла такая же, как на улице, а сегодня утром шел снег.

Я выглянул в коридор. Никого не было видно и слышно, если не считать ледяного сквозняка, который свободно разгуливал по коридору. Окна в противоположных концах коридора в любую погоду приоткрывались ровно настолько, чтобы получился наиболее сильный сквозняк. У китайцев страсть к открытым окнам.

На цыпочках, согнувшись, как индейский разведчик, я прокрался вдоль стены к лестнице. На полу в коридорах и на ступеньках лежало красное ковровое покрытие, заглушающее шаги. Я прислушался – во всей гостинице стояла тишина. Придерживая короткое полотенце двумя руками, сбежал на второй этаж. И тут в дальнем конце коридора хлопнула дверь. Кто-то шел в мою сторону к лестнице. Пулей я взлетел к себе на этаж и замер на площадке в надеж-

де, что человек пойдет вниз к выходу. Послышался стук в дверь и голос Сэма – американца китайского происхождения. Рост Сэма не превышал одного метра шестидесяти сантиметров. Зато его приятель Стив Лукас имел рост два метра и семь сантиметров. В это время друзья отправлялись на вечернюю прогулку. Это доставляло огромное удовольствие местным ребятишкам, как будто по улице гулял жираф.

Приятели быстро собрались и ушли. Внизу в холле за ними закрылась стеклянная входная дверь. Прижимаясь к стенке, я спустился на первый этаж. Просторный холл в это время обычно пустовал. Лестница входила в него сбоку и поэтому, обманутый тишиной, я смело выбежал в холл и остолбенел. На всех диванах плечом к плечу сидели китайцы, одетые в традиционные синие костюмы под которые поддевалась шерстяная одежда. Поэтому все казались маленькими и толстенькими. Китайцы сидели неподвижно и молчали. Нетрудно было догадаться, что это какая-то делегация ждет поселения в рабочем общежитии, а в наш холл их пустили погреться, но вероятно, приказали сидеть молча. И дисциплинированные китайцы не издавали ни звука. Не то, что наши туристы, которые устроили бы галдеж как вороны в парке перед отходом ко сну.

Еще потрясенные видом двухметрового американца, прошедшего через холл, китайцы остолбенели от появления голого волосатого и бородатого мужика, неожиданно выскочившего с другой стороны. Такое им даже не могло присниться. Вот оно – растленное и бесстыдное лицо Запада, ничего святого!

Я тоже замер и автоматически сдвинул полотенце так чтобы незакрытая, голая часть моего тела была слева в другой стороне от китайцев.

Бежать назад не имело смысла, вдруг они здесь до вечера кантоваться будут, а я за это время замерзну и про-

стужусь. И до окна вахтера оставалось всего несколько шагов. В конце концов, китайцы как-нибудь переживут психологический шок, а я не заболею.

С достоинством, как и подобает советскому специалисту высшей квалификации, я прошел к застекленному окну, за которым сидел вахтер. По мере движения я перемещал полотенце, чтобы не шокировать китайцев голой частью своего тела, и когда подошел к окну, то полностью сдвинул его назад, держа концы спереди. Но вахтер отсутствовал. Это пахло катастрофой. А если его не будет полчаса, я могу и «дуба дать».

Китайцы очень дисциплинированные работники и я впервые видел место вахтера пустующим. Как сказал бы в этом случае Штирлиц: «Что-то не сложилось!»

Тут раскрылась наружная стеклянная дверь, и появился вахтер. Он сразу понял, в чем дело, и, приговаривая «Хао, хао, хао...», зашел к себе в помещение, открыл стеклянную дверку настенного шкафчика и достал запасной ключ от моей комнаты.

– Се, се! – поблагодарил я, принимая ключ, и собрался чинно идти к себе.

Вахтер продолжал улыбаться и что-то мне говорить, стуча пальцем по стеклу. Я еще раз кивнул головой в знак благодарности и тут вдруг увидел за стеклом такой родной конверт авиапочты из Советского Союза с косыми красным и синими полосками по периметру!

Вахтер знал, как долго я жду письма, и радовался за меня. Я видимо поспешил взять конверт, забылся, отпустил край полотенца, и оно упало, обнажив мою задницу, обращенную к китайцам. В холле раздался дружный сдавленный вздох. Наверняка китайцы решили, что я сделал это нарочно, чтобы их шокировать.

Подхватив край полотенца, я сдвинул его, прикрывая перед, и повернулся к обществу. При этом сзади неопреде-

ленный звук издал вахтер. Я выдержал достойную паузу и с видом дипломата на международном форуме выдал на китайском языке самую длинную, заранее выученную фразу:

– Сулянь – Чжунго – гэ миньцзунцзяньды юи гуаньси!
(СССР – Китай – дружба народов!)

Китайцы замерли, потрясенные моим произношением, и вдруг один из них произнес на русском языке:

– Дружба!

«Вот она – народная дипломатия в действии», – с гордостью подумал я, и с достоинством специалиста высшей квалификации отправился к себе в номер.